

Игорь Буланов
Лютики

Игорь Буланов

Лютики

«Издательские решения»

Буланов И.

Лютики / И. Буланов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906868-2

Лютики — старинная русская нечисть, прозванная так за свою невиданную жестокость... «Винни и Пух» — только что созданное детективное агентство... Кучка подозрительных подозреваемых... и многое-многое другое в первой книге из серии «Детектив поневоле» Игоря Буланова.

ISBN 978-5-44-906868-2

© Буланов И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Наследство	6
Глава 2. Письмо	8
Глава 3. Надежда	10
Глава 4. Мимикрия	12
Глава 5. Агентство	15
Глава 6. Решение	17
Глава 7. Компаньон	20
Глава 8. Клиент	25
Глава 9. Дело	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Лютики

Игорь Буланов

© Игорь Буланов, 2019

ISBN 978-5-4490-6868-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Наследство

...миллионов долларов.

– Простите. Сколько, вы сказали, миллионов?

– Двадцать. Однако же, получить их наследник сможет лишь в том случае...

Нотариус внимательно посмотрел на клиента.

– Вы меня слушаете?

– Что? А. Да, конечно. А когда я их смогу получить?

Нотариус невозмутимо вернул палец на строчку выше.

– Однако же, получить их наследник сможет лишь в том случае, если полностью выполнит следующие условия...

Он изящно плюнул на палец и не спеша перевернул страницу.

...следующие условия. А именно, возглавит основанное завещателем детективное агентство и добросовестно доведет до конца первые шесть дел, самотеком поступивших в оное.

Нотариус взглянул на клиента и с едва уловимым сарказмом добавил:

– Вероятно, вам интересно будет узнать, что первоначальная формулировка гласила: «успешно доведет до конца», однако же, наведя справки о ваших обстоятельствах, завещатель в последний момент смягчил ее, заменив «успешно» на «добросовестно». Не скрою, новая формулировка вызывала у меня настолько сильные сомнения, что я счел возможным поделиться ими с завещателем, который, впрочем, предложил мне оставить эти сомнения при себе. «Добросовестность либо есть, либо ее нет», – заявил он, завершив свою мысль надеждой, что приличный адвокат, при желании, уж наверное, эту разницу обнаружит.

Нотариус растянул губы в тонкой улыбке.

– Разумеется, я поспешил заверить уважаемого клиента, что надежды его не вовсе беспочвенны, вследствие чего, начиная с момента оглашения завещания, то есть, возвращаясь к настоящему времени, с этой самой минуты, оценка вашей добросовестности, как бы неожиданно это для вас ни звучало, целиком и полностью переходит в компетенцию нашей фирмы.

Нотариус чуть поднял подбородок, качнув пышными ухоженными сединами, и окатил наследника ледяным взглядом.

– Впрочем, – проговорил он, – не думаю, чтобы у вас были какие-то основания сомневаться в компетенции адвокатской конторы, безупречная репутация которой складывалась на протяжении более чем пятидесяти лет беззаветного и преданного служения букве закона.

Он выдержал паузу.

– Или я ошибаюсь?

По-стариковски прозрачные, но все еще пронзительно голубые и ясные глаза нотариуса ощупывали лицо наследника, словно выискивая в складках его кожи затаившиеся там сомнения.

– Да нет, – растерялся наследник. – Почему же...

– Отлично, – кивнул нотариус, отворачиваясь от наследника. – В таком случае, продолжим.

Он поводит пальцем над документом, отыскивая нужное место.

– В случае, если наследник не пожелает возглавить упомянутое агентство, – продолжил он чтение, – либо, пожелав возглавить его и возглавив, не сумеет в течение года довести до конца шесть дел; либо, доведя их до конца и в означенный срок, сделает это недостаточно добросовестно...

Нотариус снова прервался, чуть улыбнулся и, коротко бросив наследнику: «внимание», продолжил:

– ... недостаточно добросовестно, то вся вышеозначенная сумма, а именно, двадцать миллионов долларов, должна быть без остатка употреблена на изготовление, отливку и последующую установку возможно большего числа типовых изваяний наследника с подписью «Иди-отъ».

Нотариус вежливо улыбнулся.

– Сожалею.

Наследник вытаращил глаза.

– Вы шутите.

– Сожалею, – повторил нотариус. – Оставленные завещателем инструкции совершенно недвусмысленны и более чем исчерпывающи. Завещатель уделил особое внимание этому пункту, тщательно расписав, какую часть средств следует потратить собственно на изготовление памятников, а какую – на взятки должностным лицам с целью скорейшего распространения уже готовой, скажем так, продукции. Завещатель даже потрудился приложить список скульпторов, среди которых, по его мнению, следует провести тендер на право выполнения столь выгодного заказа.

Наследник пошевелил губами.

– Да? – вежливо переспросил нотариус.

– И там будет моя фамилия? – с трудом выговорил наследник. – На памятнике.

Нотариус с интересом взглянул на собеседника.

– Нет, фамилии не будет, – сообщил он после паузы. – Только сходство.

Наследник помолчал.

– Это все? – спросил, наконец, он.

– Почти, – кивнул нотариус. – Остался один пункт, который, думаю, вас, наконец, порадует. Помимо уже озвученного, завещатель оставляет вам недвижимость. Собственно говоря, речь идет о здании, в котором расположено пресловутое детективное агентство. Это небольшой двухэтажный особняк в центре города неподалеку от одного из во множестве расположенных там посольств мало кому известных, а потому очень дружественных держав. Вы вольны распорядиться им по своему усмотрению. Догадываясь, что вас это заинтересует, я навел справки о его стоимости. Вы можете выручить за него от трехсот до четырехсот тысяч долларов. Сумма, разумеется, приблизительная.

– Слава тебе, Господи, – выдохнул наследник.

– Да, приятно, – согласился нотариус. – На этом, если у вас нет больше вопросов, разрешите приступить к заключительной части процедуры, а именно, передать вам личное письмо завещателя, в котором, насколько я понимаю, вы найдете ответы на многие интересующие вас вопросы. Собственно, вот оно. Здесь, – он протянул пухлый конверт, – документы на недвижимость. Это моя визитка. Не спешите, подумайте, взвесьте все хорошенько. И звоните. Звоните в любое время. Наша контора всегда к вашим услугам.

Нотариус протянул руку.

Приятно было познакомиться. От всей души желаю успеха.

Глава 2. Письмо

Выйдя на улицу, наследник дошагал до ближайшего сквера, сел на первую попавшуюся скамейку и вскрыл конверт.

«Дорогой Винни, – начиналось письмо. – Надеюсь, ты позволишь мне так тебя называть? Думаю, позволишь. Во-первых, если ты это читаешь, значит, я умер, а, во-вторых, ты, поди, и сам уже забыл свое настоящее имя. Напоминаю: Вениамин Игоревич Кольчужный. Постарайся больше не забывать. Это, поверь, важно.

Теперь о деле. Неожиданно выяснив, что жить мне осталось чуть, я, естественно, задумался о том, кому оставить агентство. И тут совсем уже неожиданно выяснилось, что оставлять его, собственно, некому. Кончились Кольчужные! Представляешь? Кончились. Один ты остался.

Разумеется, я срочно навел о тебе справки. Можешь себе представить, какое разочарование я испытывал, изучая твой жизненный путь! Похоже, единственное что тебе удалось сделать хорошо, это родиться. Самостоятельно, от нормальной беременности и срочных родов. После этого тебе, собственно, оставалось лишь немного развить успех, но... На этом твои подвиги кончились, и в результате мы имеем сейчас то что имеем».

Наследник, он же Винни, он же Вениамин Игоревич Кольчужный, давно, впрочем, об этом забывший, поднял голову от письма и огляделся. Убедившись, что поблизости никого нет, он пожегся, поднял воротник куртки и вернулся к чтению.

«Продавец подгузников!...»

– Менеджер по продажам, – машинально поправил Винни, – причем, старший. И не подгузников, а памперсов. А также детского питания восьми крупнейших мировых производителей.

«И это в тридцать девять лет!»

– В тридцать восемь, – уточнил Винни.

«В Спарте таких скидывали со скалы, не дожидаясь, когда они займутся бизнесом. О чем ты вообще думаешь? Почему развелся с женой? Постой, я тебе сам скажу: ни одна баба не станет жить с таким тюфяком. Дважды тюфяком, раз отдал ей детей и квартиру! Впрочем, это ладно. Отдал и отдал. Дело твое. Дальше-то что? Алименты, съемная комната и отложенный на похороны свадебный костюм? Жалкое зрелище! У тебя хоть женщина есть? Не лги мне! Я узнавал: нету. Может, ты предпочитаешь мальчиков? Не удивлюсь. И, наконец, самое скверное. Говорят, ты пописываешь стишки. В твоём-то возрасте! Пожалей себя, Вениамин! Это самый короткий путь к импотенции.»

Винни энергично помотал головой.

«Впрочем, это все ерунда, – неожиданно смягчился покойный. – Поскольку выбора все равно нет, я сделаю человека из тебя».

Даже не «из тебя человека», – поморщился Винни, – а именно «человека из тебя»!

«И будь я проклят, – продолжал автор письма, – если через год у тебя не зарастет плешь на башке, а через два не исчезнет этот отвратительный мешок, который ты набиваешь всякой дрянью в филиалах иностранного общепита, названия которого я не привожу здесь из природной брезгливости.»

Винни потрогал затылок, взглянул на живот и продолжил чтение.

«С этой целью я дарю тебе дело всей своей жизни, свое детище: лучшее в городе частное детективное агентство, и, если ты его угробишь... Ну, тогда, значит, и черт с ним. А заодно и с тобой.

С другой стороны, если за год ты сумеешь довести до конца (я уж не говорю раскроешь, скажи спасибо старикашке-нотариусу) шесть дел и при этом будешь из кожи вон лезть, чтобы выглядеть молодцом... Тогда деньги твои. По-моему, справедливо.

Теперь насчет дома... Нотариус сказал, что ты можешь его продать? Забудь. Дом я заложил, а деньги добавил в общую кучку. Так что дом, извини, ты не продашь при всем желании. А через три года выйдет срок и у закладной. Если к тому времени разбогатеешь – не пожалей денег, выкупи. Семейное гнездо, как-никак. Ну, а пожалеешь, так и черт с ним.

И еще одно. Я договорился с нотариусом: он выделит тебе опытного компаньона из числа своих сотрудников (у него все равно этим добром все коридоры забиты). Будет помогать, предостерегать, приглядывать и все такое. В общем, стучать. А ты хотел? Бизнес есть бизнес.

Вот, кажется, и все. Ах, да. Про памятники... Не думай, что это шутка. Это стимул.

Вот как-то так, дорогой племянник. Теперь, пожалуй, и впрямь все. Удачи тебе.

Твой любящий дядя... Ну, скажем, Пух».

Винни тщательно сложил письмо и спрятал во внутренний карман куртки. Его лицо горело, уши пылали, на душе было муторно и тоскливо.

Да, тридцать восемь. Но не тридцать же девять! Да, менеджер по продажам. Но ведь не младший! Ну, разведен. Ну, без квартиры. Ну... ну и, в конце концов, что?

Винни вздохнул и задумчиво посмотрел в серое небо, откуда давно уже не ждал ничего кроме дождя, неприятностей и птичьих какашек.

Господи, – прошептал он, – да что ж за гадство такое: наследство по-людски получить и то не судьба. Двадцать миллионов! Долларов! Да на эти деньги... на эти деньги...

Господи, – в ужасе прошептал Винни, – на эти деньги я мог бы купить себе всё!

Он отчетливо представил себе это всё: оно было громадным – нет, еще больше, оно сверкало и переливалось всеми цветами радуги. Из него то и дело вываливались чудесные – одна чудесней другой – вещи: то уютная дача под Парижем, то пожизненный проездной в московском метро, то студенческий билет Гарварда с фотографиями его детей, то машина с водителем, охранником, секретаршей и массажистом.

Так. Еще немного. Еще. Нет! Не сумев втиснуться в забитый обслуживающий персоналом автомобиль, Винни помотал головой и опомнился.

Москва. Август. Дождь. Мокрая скамейка. Мокрые брюки. Винни. Мимо идет женщина, ведя за руки парнишек пяти и шести лет. Мама! Мама! – кричат они, показывая куда-то вдаль. – А кто этот дядя?

Винни смотрит, куда они показывают. В самом центре безлюдного сквера величественно бронзовеет загаженный птицами идиотъ.

– Ну, дети, – задумчиво говорит его бывшая жена, – это так в двух словах не расскажешь.

Винни энергично тряхнул головой, прогоняя наваждение. Медленно вытащил из кармана пакет с документами на дом. С минуту разглядывал закладную, потом пожал плечами и улыбнулся.

Решение было принято. В конце-концов, от него не требовали невозможного. От него хотели просто, чтобы он старался изо всех сил. Сущие пустяки, учитывая, что сил у него никогда особо и не было.

Винни достал телефон и позвонил своему начальнику.

– Виктор Степанович? – уверенно начал он. – Добрый день. Не знаю даже, с чего начать. Видите ли... Нет, не на работе. Дело в том, что... Да. Снова. Мне кажется, грипп. Я понимаю. Да. Нет. Постараюсь. Спасибо.

Повозившись минут пять, он добавил-таки номер начальника в черный список и убрал телефон в карман. Потом встал, плотнее запахнул пальто и, ежась от сырости, поспешил к метро.

Глава 3. Надежда

Вечерний час пик заканчивался, и в рядах пассажиров, дружно покачивавшихся на лавках в такт поезду, уже зияли провалы. Винни не любил ощущения тепла, оставленного на сидении чужим телом, и в общественном транспорте всегда ездил стоя. Зайдя в вагон и дождавшись, когда закроются двери, он прислонился к стеклу и привычно уставился в темноту. Через несколько минут он поймал себя на том, что сегодня уходящая в перспективу вереница бледных усталых лиц вызывают у него не столько раздражение, сколько сочувствие. У них впереди не было ничего, кроме бесконечной череды точно таких же поездок на работу и, для разнообразия, обратно. И одна-единственная дверь – без ручки – в конце. У Винни, как оказалось, еще оставалась надежда.

Он опустил взгляд и, чуть наклонив голову, внимательно осмотрел расставленные вдоль скамеек шеренги обуви. Грязь, пыль, сбитые носы и стертые каблуки. Винни перевел взгляд на свои ботинки и вспомнил, что носит их третий год. В груди что-то щелкнуло, расплзаясь нехорошим холодком по телу.

Страшно было до тошноты. Страшно, что его так и похоронят в этих ботинках, которые потом перейдут по наследству армии бронзовых идиотов. Страшно, что он не сумеет использовать свой шанс. Страшно, что он так и будет до конца своих дней глупо раскачиваться в метро, зажатый среди сотен других морщинистых розовых манекенов, заполонивших все подвальные помещения города, а куда ж их еще девать при таком перепроизводстве.

Уж кому как не Винни было знать, что можно запросто положить жизнь на поездки в метро и даже этого не заметить. В метро не живут – там едут. Винни только однажды видел человека, который, кажется, поступал иначе. Они как-то вместе вошли на конечной станции в пустой еще вагон. Винни привычно прислонился к стене возле дверей, а мужчина – лет сорока на вид и вид, кстати, совершенно обычный, выделяющийся, разве, лишь откровенно радужным настроением, столь несвойственным москвичам – направился в конец вагона, где две скамейки друг против друга и стена образуют замкнутое с трех сторон, и потому самое уютное в вагоне пространство. Не дойдя до скамеек, мужчина остановился, привычно достал из спортивной сумки небольшой полосатый коврик и, аккуратно развернув его, уложил точно посередине прохода. Потом тщательно вытер об него ноги, прошел дальше и уселся в углу. Собственно, этого коврика уже хватило бы, чтобы превратить заплесанный вагон во что-то домашнее и уютное, но мужчина этим не ограничился. Все из той же сумки он достал походную ситцевую занавеску на присосках – такую всю зеленую и в ярко-оранжевых ромашках, Винни отлично ее запомнил – и ловко прикрепил ее на стекло. Чуть позже и чуть ниже присосался походный фонарь. Мужчина достал из сумки книгу – Винни не разглядел названия – раскрыл ее и углубился в чтение, беззаботно закинув ногу на ногу. Винни во все глаза смотрел на его носки, искренне недоумевая, почему человек без тапочек. Было совершенно очевидно, что мужчина полностью отдает себе отчет в общем – пусть и весьма трагичном – положении дел. Он ехал – пардон, жил – в вагоне метро. Вагон, в свою очередь, тоже не бездельничал, а с большой скоростью мчался по корявому темному туннелю, прорытому под огромным городом, построенным в великой стране, покоящейся на гигантском материке, плавающем в океанах самой, вне сомнения, прекрасной из планет, несущейся сквозь мрак и стужу обезумевшей от своей храбрости снежинкой – затерянной среди мириад таких же, затерянных в других мирадах...

Винни долго наблюдал за мужчиной. Несмотря на давку, в импровизированную квартиру не решился зайти никто. Возможно, подумал тогда Винни, мужчине стоило повесить у входа звонок.

С метрополитеном у Винни были особые отношения. При том, что проводимая там часть жизни была сравнительно небольшой, все сколько-нибудь значительные события в своей жизни

Винни связывал именно с метро. Правда, в тех социальных кругах, где он, благодаря нижесреднего уровню доходов вращался, из событий были доступны лишь зрелища, но, так или иначе, самые красивые девушки ездили в метро. Самые жестокие драки он наблюдал там же. Одиночество, гнев, злоба, жадность, усталость – все это выставлялось в метро напоказ и без всякого стеснения. И, наконец, то что могло случиться в метро могло случиться только и только там. Где бы еще Винни увидел человека, танцующего в пустом ночном вагоне с огнетушителем? Мужчина плавно покачивался в такт слышной лишь ему – или, быть может, им – музыки и все говорил и говорил что-то в черный ратруб, точно боясь не успеть.

В другой раз Винни видел женщину, сачком ловившую бабочек в пустом вагоне и, кажется, даже поймавшую несколько. Еще видел, как нездешний человек пытался провести через турникет барана. Бар...

Что?

Баррикадная. Следующая станция Пушкинская.

Винни очнулся и спешно вышел из вагона. Он приехал.

Оказавшись на улице, он огляделся, поежился, поднял воротник пальто и, шлепая по московским лужам – самым радужным лужам в мире – устремился в лабиринты тихущих улиц.

Глава 4. Мимикрия

Минут через десять он замедлил шаг и принялся внимательно изучать номера домов. Он шел теперь по узкой извилистой улице, с обеих сторон зажатой высокими кирпичными оградками, за которыми прочно обосновались приземистые каменные особняки. Некоторые тускло поблескивали медными табличками, где, при желании, или, скорее, при везении, поскольку далеко не везде снисходили до русского подстрочника, можно было узнать, откуда обитатели дома здесь появились, а, иногда, и зачем. Впрочем, большинство домов обходилось без табличек. Зато здесь и там во множестве виднелись застекленные будочки со вставленными в них постовыми. Будки печально светились во тьме желтым неровным светом: милиционеры медленно сгорали на службе, печально оплывая прозрачным восковым потом.

Агентство располагалось в тридцать девятом доме. Винни, не останавливаясь, миновал тридцать пятый, бодро прошел мимо тридцать седьмого и, уже не спеша, двинулся вдоль его сплошной кирпичной стены без единого окна, с любопытством поглядывая по сторонам. Ничего интересного, кроме очередной милицейской будочки, он не обнаружил, зато довольно быстро добрался до светящейся таблички с номером сорок один.

Винни озадаченно посмотрел на табличку, развернулся и пошел назад. Снова добравшись до указателя с номером тридцать семь, он остановился и в полном недоумении обернулся. Выходило, что дома под номером тридцать девять на улице нет, а есть только тридцать седьмой, глухая кирпичная стена которого без малейшего разрыва тянется вдоль улицы, упираясь в узорчатую ограду сорок первого.

Винни стало не по себе. Чувство юмора, оценив проблему, деликатно отвернулось, и Винни стало совсем тошно.

Он потоптался на месте, печально всхлипывая промокшими ботинками, перешел на другую сторону улицы и повторил маршрут. Проходя мимо будки с постовым в третий раз, он почувствовал, что пора объясниться. Остановившись, он приветливо улыбнулся в стекло и неловко поклонился. Человек за стеклом не спеша открыл дверь и вышел. На сухощавом тусклом лице остро поблескивали серые внимательные глаза.

– Добрый вечер, – заторопился Винни. – Вы не подскажете, никак не могу найти... Второй раз уже прохожу, и...

– Третий, – поправил его милиционер.

– Что? А. Ну да. Третий. Вы понимаете, в чем дело... Тридцать седьмой есть, сорок первый тоже есть, а тридцать девятого нету...

Милиционер молчал, изучающе глядя на Винни.

– А мне именно тридцать девятый и нужен, – запинаясь, бормотал тот.

– Зачем? – коротко спросил милиционер.

Винни чуть поморщился и криво пожал плечами:

– Ну, он как бы мой.

Милиционер понимающе кивнул, вдумчиво разглядывая ботинки Винни.

Давно ли?

– В том-то и дело, что нет, – обрадовался Винни. – Буквально с полчаса.

– Что ж, – хмыкнул милиционер, – с новосельем. – Документы имеются?

Винни протянул милиционеру документы на собственность. Тот скользнул по ним взглядом.

– Нет. Ваши документы.

Винни достал паспорт.

– Москвич, – с едва заметным разочарованием констатировал милиционер, полистав паспорт. – Все в порядке, гражданин. Можете идти, – сказал он, возвращая Винни его документы.

– Спасибо, – машинально ответил тот. – До свидания.

Милиционер отдал честь и отвернулся. Винни понял это так, и понял правильно, что владельцы особняков в центре Москвы не вызывают у милиционера ни приязни, ни интереса. Представив себе всю не радужную, и оттого так похожую на его собственную, жизнь служителя порядка, Винни почувствовал непреодолимое желание объясниться.

– Это наследство, – тихо сказал он едва ли не в спину милиционера. – Да и то временно. Там куча всяких условий.

Милиционер повернулся к Винни.

– Поздравляю, – ровно сказал он.

– Да в том-то и дело, – обрадовался Винни, – что поздравлять тут особо не с чем. Если бы вы знали подробности...

Он многозначительно помолчал и, чувствуя, что социальное уравнение решено, сделал шаг назад.

– Расскажите, – неожиданно предложил милиционер, и ловушка, расставленная совестью Винни, захлопнулась.

– Да, в общем, дикая какая-то история, – неуверенно начал он. – В этом доме находится детективное агентство. Вот это, собственно, наследство и есть. Плюс обязательное условие раскрыть чуть не дюжину дел, иначе его отнимут.

Винни виновато пожал плечами и улыбнулся.

Милиционер молчал.

– Ну, как? – совсем уже глупо спросил Винни.

– Волшебно, – ровным голосом ответил милиционер и повторился: – Всего доброго.

Очевидно, он не поверил.

Винни помялся, потом мысленно плюнул на возникшую по его же вине неловкость, и решительно зашагал прочь. Отойдя на несколько метров, он спохватился и застыл на месте. Потом развернулся и неохотно побрел назад. Милиционер стоял на том же месте, где Винни его оставил.

– Да? – спросил он.

– Тридцать девятый номер, – вежливо напомнил Винни. – Не подскажите?

– Вы же детектив, – укоризненно ответил милиционер. – Пусть даже и начинающий. Примените дедуктивный метод.

Винни молча смотрел на милиционера. Лучше всего, конечно, было развернуться и уйти, но Винни совершенно не представлял, как он, в таком случае, отыщет свое агентство. Прохожих на улице не было, дедуктивный метод доверия не вызывал у него еще в детстве, поэтому он молча стоял и терпеливо смотрел на милиционера.

Тот несколько раз качнулся на каблуках, потом, видимо, заскучав, вздохнул и лениво махнул куда-то рукой.

– Там, – сообщил он. – Прямо у вас за спиной. Дверь. Проводить?

– Благодарю вас, – холодно ответил Винни. – Справлюсь.

Он развернулся и, посмотрев в указанном направлении, с удивлением обнаружил, что в сплошной кирпичной стене действительно виднеется массивная дубовая дверь с тяжелым медным кольцом вместо ручки. Древесина была почти одного цвета с кирпичом и практически сливалась со стеной. Во всяком случае, заметить ее в темноте было совсем не просто.

– Спасибо, – поблагодарил Винни милиционера еще раз и, не прощаясь, направился к двери.

Краем глаза он видел, что милиционер так и не сдвинулся с места, продолжая внимательно наблюдать за ним. Винни выудил из конверта тяжелую связку, на которой было никак не меньше десяти ключей, и тихонько вздохнул, представив, как это выглядит со стороны.

Напомнив себе, что все документы в порядке и это его собственность, он храбро сунул в замок первый ключ из связки. Подошел шестой. Щелкнув замком, дверь с омерзительным скрежетом распахнулась на огромных старинных петлях. Звук был такой, что в окнах посольства за спиной у Винни немедленно вспыхнул свет. Винни поспешно шагнул внутрь, притянул за собой дверь и, заперев ее на ключ, глубоко вдохнул. Потом повернулся, поднял глаза и увидел над головой звезды.

Глава 5. Агентство

Уверенный, что каким-то кошмарным, абсолютно непостижимым образом, он запер дверь снаружи, снова оказавшись на улице, Винни резко обернулся, ожидая увидеть привычную фигуру в форме, но его взгляд уперся в сплошную кирпичную стену, на фоне которой темным пятном выделялась массивная дубовая дверь.

Винни снова взглянул на небо, повернулся и, разглядев в отдалении темную глыбу дома, все понял. Прежний владелец проявил немалую изобретательность, маскируя свое убежище. Кирпичный забор, огораживающий строение от посторонних взглядов, представлял собой чуда мимикрии, в точности воспроизводя цвет, фактуру и высоту стены прилегающего к нему дома. Понять, находясь снаружи, что это забор, а не продолжение стены, было практически невозможно. Отсутствие указателя с номером дома довершало иллюзию: для любого постороннего человека тридцать девятый дом попросту не существовал.

Винни немного постоял у стены, выжидая, когда глаза привыкнут к темноте, казавшейся ему крошечной после света уличных фонарей. Вскоре из тьмы одна за другой выплыли белые каменные плиты дорожки, ведущей к приземистому двухэтажному дому. Винни подождал, но больше ничего не проявилось. Вероятно, несколько лет назад дорожка пролегла по ухоженному газону, сейчас же она вела через заросли крапивы и чертополоха высотой в человеческий рост. Пробираясь к дому, Винни оценил ее длину метров в двадцать – двадцать пять – тридцать. Позже, когда заросли снова превратились в стриженный европейский газон, расстояние сократилось до десяти.

Оказавшись, наконец, возле дома, Винни снова извлек связку ключей. Подбирая нужный, он испытал давно забытое чувство, с которым открывал свою первую собственную квартиру. Первую и единственную. Наконец, один из ключей подошел, и Винни толкнул тяжелую дверь. Она легко подалась, дохнув в лицо сладким – не то деревенским, не то кладбищенским – запахом много лет пустовавшего помещения. Вглядываясь во тьму, Винни думал, что этот воздух так непривычен именно потому, что в нем нет больше ничего человеческого. От этой мысли, и еще от темноты, валившейся на него из дверного проема неподъемной черной плитой, стало не по себе. Он поспешно шагнул вперед и пошарил по стене правой рукой. Выключателя не было. По крайней мере, его не было в привычном для Винни месте. Винни быстро шагнул назад и вытащил из кармана зажигалку.

Крохотный желтый огонек, дрожащий во тьме, выглядел и вовсе жутко. Казалось, он непременно и уже вот-вот притянет из темноты что-нибудь недоброе, затаившееся полвека назад и упрямо ждущее своего часа.

Винни нехотя шагнул за порог и поводит зажигалкой возле стены. Найдя выключатель, поспешно ткнул в него пальцем и тут же зажмурился от яркого света, залившего помещение. Поморгав, закрыл за собой дверь и, привалившись к ней спиной, недоверчиво осмотрелся.

Потемневшее дерево, потрескавшиеся мутные картины в тяжелых рамах, массивные дубовые балки под потолком – все это производило впечатление добротности, дороговизны и, как ни странно, уюта. У правой стены ввинчивалась в потолок массивная резная лестница. У левой призывно поблескивала медью и кожей барная стойка. Между ними высился огромный, чуть не во всю стену, камин, сложенный из грубых больших камней. К камину прилагались щипцы, еще какое-то приспособление, которое Винни видел впервые в жизни, и три глубоких кожаных кресла, окруживших небольшой сервировочный столик. На столе возвышалась невероятных размеров подарочная бутылка виски. Рядом стоял пустой граненый стакан, который, собственно, и довершал натюрморт.

Винни медленно приблизился к столику и задумчиво провел по бутылке пальцем. Пыль была, но как перевести ее толщину во время, за которое она скопилась, Винни не представ-

лял. Вероятно, опытный детектив на месте определил бы искомое, Винни же просто взял себе на заметку, во-первых, как-нибудь выяснить этот вопрос, и, во-вторых, купить хороший блокнот, чтобы брать туда на заметку все что может пригодиться в его работе.

Уже наклоняя – обеими руками – бутылку к стакану, Винни вдруг сообразил, что дядя, очевидно, умер совсем недавно: возможно, месяц или несколько недель назад: а сколько еще времени нужно, чтобы разыскать наследника и огласить ему завешание?

Винни поежился. Если честно, он предпочел бы живого родственника всем этим виртуальным деньгам, ожидавшим его где-то на горизонте.

Он наполнил стакан до половины и, мысленно пожелав дяде удачи, в чем бы она теперь для него ни заключалась, отпил, порозовел и, прихватив стакан, пустился в обход владений. Методично обойдя гостиную против часовой стрелки, он заглянул в камин, осмотрел содержимое бара, открыл и закрыл дверь на небольшую уютную кухню, так же с порога окинул взглядом ванную комнату, попутно выстукивая стены и приподнимая картины. За одной из них, как и ожидалось, нашелся встроенный в стену сейф. Подбирая к нему ключ из связки, Винни впервые в жизни испытал что-то похожее на озарение. Разумеется, миллионы лежали в сейфе. Все двадцать. Винни отчетливо видел их даже через закрытую дверцу. К сожалению, когда дверца открылась, миллионы исчезли. Все двадцать. Сейф был пуст.

Винни тяжело вздохнул, немного подумал и, достав из кармана полученный от нотариуса пакет с документами, положил в сейф, тщательно его запер и двинулся дальше, закончив обход одновременно с содержимым стакана. Наполнив его снова, он мечтательно осмотрел сложенные в камине дрова, повертел в руках щипцы, но разжигать огонь не решился, поскольку не представлял, как потом будет его гасить. Посидел немного в каждом из кресел и, важно кивнув, отправился осматривать второй этаж.

Одолев неприемлемо, как ему показалось, крутую лестницу, он оказался на распутье перед тремя совершенно одинаковыми дверями. Вспомнив не к месту «налево пойдешь, коня потеряешь», Винни толкнул правую. За ней оказалась спальня с большой двухместной кроватью, шкафом для белья, письменным столом и парой стульев. За центральной дверью скрывалась ванная комната, левая в точности повторяла интерьер правой. Очевидно, одна из них предназначалась для хозяина дома, другая – для гостей. Винни выбрал себе правую. Просто потому, что был правой. Закрыв за собой дверь, он подошел к окну и отодвинул тяжелую плотную штору. Вырвавшийся из окна свет упал на заросший пустырь перед домом, скользнул вперед и уткнулся в стену. В нее же уперся и взгляд Винни. Единственное, что можно было за ней увидеть – это крыша дома напротив. Улицу из окна видно не было. Радовало то, что с улицы окно, а, стало быть, и Винни, не было видно тоже. Понаблюдав, как ветер гоняет на пустыре темные шумные волны дикой растительности, Винни поежился, задернул штору и решил завтра же купить пистолет.

Он выключил свет и, не раздеваясь, улегся на кровать.

– Черт! – раздалось в темноте. – Действительно плохо без пистолета.

Несколько минут было слышно только, как тревожно скрипят пружины кровати.

И где они их только берут? – сонно прозвучало во тьме.

Глава 6. Решение

На следующий день Винни проснулся поздно: он отвык пить и еще больше отвык от тишины по утрам. Последние несколько лет, прожитые в коммуналке, приучили его к ранним подъемам. В шесть утра у кого-нибудь обязательно начинал звонить будильники, и, пока соседи мучительно соображали, что происходит, с кем, и какие, собственно, из этого вытекают следствия для них лично, Винни успевал встать, умыться и даже сходить в туалет без очереди. После этого, казалось бы, можно было снова лечь спать, но будильник оживал в другой комнате, и так без конца.

Когда Винни, встревоженный тишиной, открыл, наконец, глаза, было десять часов утра. Винни сверился с наручными часами, потянулся, и заснул снова. На этот раз он проспал почти до двенадцати, вскочил в холодном поту и, не открывая глаз, принялся шарить рукой по полу в поисках носков. Не найдя их, опомнился, улыбнулся и спустил ноги с кровати.

Какое-то время он посидел, увлеченно болтая пятками, потом одним движением легко спрыгнул с кровати, потянулся и направился в ванную.

Оттуда, окончательно проснувшись, Винни спустился на кухню, где обнаружил работающий, чистый, но абсолютно пустой холодильник. Винни удивленно похлопал дверцами шкафов, заглянул зачем-то на антресоли, и все напрасно – из еды в доме нашлись только кофе и сахар, и то и другое – в новых запечатанных упаковках. Кухня при этом выглядела обжитой и ухоженной – с более чем полным набором кухонной посуды и бытовой техники. Поражали воображение запасы спиртного: казалось, всюду, где можно поставить бутылку так, чтобы она не падала, она и стоит. Полная. Ни одной начатой или открытой.

Задумчиво двигая по электрической плитке турку с закипающим кофе, Винни припомнил ванную без единой зубной щетки и мылом, с которого забыли или не успели снять обертку. Вспомнил пустые шкафы в комнатах, не новое, но чистое и глаженное постельное белье и нераспечатанный рулон туалетной бумаги. Теперь он понял, что это ему напоминает. Ни малейших следов пребывания предыдущего жильца и максимально стерильные условия для последующего. Разумеется, гостиница! Частная дорогая гостиница на несколько персон. В данном случае, на одну – его собственную.

Кому и зачем понадобилось так тщательно убирать бесчисленные следы, которые оставляет за собой живое существо? Неужели дядя распорядился в завещании и об этом? И, если так, то зачем? Что это? Своеобразная чистоплотность, скрытность, мания, эксцентричность или же обычная деликатность? Винни и сам порой задумывался, что станет с его вещами, если он вдруг умрет. Походило на то, что вещи заберут дети, после чего будут хранить их лет пять или шесть, старательно таская за собой с квартиры на квартиру, чтобы в конце концов, собравшись с духом, выкинуть.

Возможно, дядя решил избавить Винни от этих мучений. Если так, большое ему спасибо. Если нет... Если же нет, то вся эта история с завещанием и агентством начинала выглядеть довольно сомнительно, походя либо на розыгрыш, своей дороговизной далеко превосходящий масштабы Винни, либо на ловушку – но, опять же, только очень больной человек станет устраивать такие хитроумные ловушки для менеджера по продажам, пусть даже и старшего.

Оставалась еще, конечно, возможность, что дядя, если, таковой существовал когда-либо в природе, имел привычку – врожденную или выработавшуюся под давлением внешних обстоятельств – последовательно и методично уничтожать любые следы своего пребывания где бы то ни было, поддерживая свои силы исключительно сладким кофе и алкоголем. В принципе, окажись это так, Винни не слишком бы удивился – нагромождение невероятностей давно уже превысило его представления о возможном.

Пожав плечами, Винни привычно оставил все эти сомнения и раздумья тем, кому хорошо платят и, прихватив сварившийся, наконец, кофе, вышел на крыльцо.

Дорожка, оставленная им вчера вечером в кустарниковом море, за ночь успела полностью затянута, и теперь взгляду Винни предстала волнуемая на ветру колючая гладь, простирающаяся от нижней ступени крыльца до самой ограды. День выдался солнечный, и каменное крыльцо успело прогреться.

Винни уселся на верхнюю ступеньку, поставил чашку с кофе рядом и, подняв голову, прищурился на солнце. Как-то так получилось, и получилось уже давно, что Винни перестал считать солнце «своей погодой». Солнце означало здоровье, жизнерадостность и успех. Винни затруднился бы объяснить, почему так, но означало оно именно это. Подростеряв первое со вторым и отчаявшись добиться третьего, Винни, как и многие его сограждане-неудачники, перестал чувствовать себя комфортно в прямом солнечном свете, полюбив взамен сумрак, тихий ветер и теплый вечерний дождь.

Теперь, мучительно шурясь, Винни нашел вдруг, что Солнце – презанятная штука. Мало того, что оно очень желтое, оно светит каждому, кто на него посмотрит. Каждому! Это казалось невероятным.

Оставив чашку на крыльце, Винни сходил в дом и достал из сейфа пакет с документами. Найдя там визитку адвоката, он вернулся на крыльцо, уселся, привалившись плечом к косяку, и долго сидел так, запивая сигареты кофе. Время от времени он задумчиво посматривал на визитку, зажатую в той же руке, что и сигарета. Потом достал мобильный и набрал нужный номер.

Адвокатская контора «Шанс».

– Чем могу служить? – без промедления отозвался на другом конце линии сухой старческий голос.

– Добрый день, – ответил Винни, не спеша выпуская сигаретный дым в трубку. – Моя фамилия Кольчужный. Мы вчера встречались с вами по поводу наследства...

– Разумеется, – перебили его, – Вениамин Игоревич. Чем могу?

Винни упрямо нагнул голову.

– Да вот, – небрежно сказал он, – хочу сообщить, что я согласен. Согласен с условиями завещания. И... и готов приступить к работе.

– Чудесно, – отозвался голос с едва уловимой насмешкой. – Искренне за вас рад. Уверен, вы поступаете правильно.

Винни услышал, как адвокат листает бумаги.

– Что ж, – продолжил тот, – в таком случае я нынче же пришлю вам помощника. У меня уже есть на примете подходящая кандидатура...

– Помощника? – вздрогнул Винни. – Ах, да, конечно. Но сегодня, боюсь, будет неудобно. Мне нужно отъехать по делам, и я не уверен, что вернусь засветло...

– Не извольте беспокоиться, – снова перебили его. – Завещатель обо всем позаботился. У вашего помощника будет свой ключ.

– Ах, вот как. Ключ, – повторил вслед за адвокатом Винни. – Очень удобно.

Он помолчал.

– Вас что-то тревожит, Вениамин Игоревич? – поинтересовались в трубке.

– Э... Да. Я, честно говоря, не совсем понимаю, откуда возьмутся все эти дела. Ну, эти, которые мне нужно раскрыть

– Пусть это вас не беспокоит. Завещатель обо всем позаботился, – повторил голос.

– Что ж, прекрасно, – раздражаясь, сказал Винни. – В таком случае, всего доброго.

Он дал отбой и поджал губы.

– Помощник... В приличном обществе это называется стукач!

Он чуть повернул голову, и его взгляд упал на скромную медную табличку, висевшую справа от двери. На табличке значилось: «Детективное Агентство Винни & Пух».

– Ну, дядя! – выдавил Винни, поперхнувшись кофе и откашлявшись. – А, впрочем...

Он, прищурившись, посмотрел на солнце.

– А впрочем, почему нет. Мило. Коротко. Иронично.

Глава 7. Компаньон

В метро он обнаружил, что солнце, кажется, набрало силу и пробивается теперь сквозь асфальт, землю, бетонные перекрытия и все остальное, отделяющее его от Винни, терпеливо трясущегося в синем подземном вагончике. Во всяком случае, на станциях и в вагонах было заметно светлее, а лица пассажиров утратили угрюмый землистый цвет и устало-плаксивое выражение.

Винни с изумлением обнаружил, что, подставленные солнцу, эти лица вовсе не обязательно уродливы. Не то чтобы непременно прекрасны, но точно не уродливы. И ехать с ними было теперь не мукой, а почти удовольствием, сродни посещению фотовыставки или художественной галереи.

– Бог ты мой, – мысленно выдохнул Винни, – неужели богатые всегда так себя чувствуют?

Однако, несмотря на чудесное самочувствие, богат он еще не был, и в настоящее время ему предстояло доехать по зеленой ветке до конца, выйти там и совершить двадцатиминутный марш-бросок до дома. Или же подождать сорок минут на остановке и проехать эти три несчастные, но такие длинные остановки на троллейбусе – общественный транспорт любит загадывать пассажирам задачи не имеющие решения.

Конечной целью была обычная комната в обычной коммунальной квартире. Эту комнату он снимал уже два года – с тех самых пор, как развелся. Возможно, кому-то развод и возвращает утраченную в браке свободу – с Винни этого не случилось. К деньгам, которые он раньше тратил на семью и детей (и которые не считал возможным вдруг перестать тратить), теперь добавились официальные алименты (которые он точно так же не считал возможным не платить). В сумме эти расходы, подкрепленные квартирной платой и крохотной потребительской корзинкой, с фантастической точностью давали месячный заработок Винни.

Задумавшись, Винни не заметил, как подошла к концу поездка в метро, как подошел троллейбус, и опомнился только, когда ключ подошел к входной двери.

Его ночного отсутствия никто не заметил, и в этом не было ничего удивительного, учитывая, что Винни обладал сразу двумя качествами, каждое из которых и в отдельности способно было превратить человека в изгой: он не пил и у него никогда не было денег. Поэтому он беспрепятственно проник в свою комнату и, усевшись на кровать, обвел свой быт критическим взглядом.

Критического взгляда быт не испытывал давно и, как следствие, не выдержал, стушевался и тут же разложился на частности. Те, в свою очередь, и не думали скрывать, что старые, дешевы и, по большей части, безвкусны.

Винни вздохнул и принялся собираться. Через час все было кончено, а Винни растерянно озирался, не веря, что имущество, которое человек нажил за тридцать с лишним лет, может уместиться в две, пусть и большие, сумки. Но оно уместилось, а во второй сумке даже осталось место для сковородки и личных продуктов из общего холодильника: нескольких яиц, пачкипельменей, масла и батона хлеба.

Случись Винни передавать земные дела, как некоторое время назад это пришлось сделать его дяде Пуху, у него точно не возникло бы трудностей с заметанием следов. Винни взвесил сумки в руках.

– Да на помойку! – уверенно решил он. – Куда ж еще.

Он еще помедлил в пустой комнате, прислушиваясь к привычной ругани соседей справа, к бормотанию сумасшедшей хозяйки слева, к обычной сваре на кухне и подозрительной возне в коридоре, потом поднял сумки и тихо вышел, оставив ключи в замке открытой двери. Предупредить о переезде у местных жильцов было не принято: война так война.

Оказавшись на улице, Винни вдохнул полной грудью, покрепче перехватил сумки с остатками прежней жизни и двинулся в обратный путь. Когда он добрался до агентства, уже темнело. В будке у посольства кротко коротал очередные сутки очередной блюститель порядка. Лицо было незнакомым, но Винни на всякий случай помахал рукой, и – безответно.

Винни усмехнулся, вставил в дверной замок ключ и тут же похолодел: дверь подалась под его рукой и стала медленно открываться. При этом Винни отлично помнил, что, уходя, тщательно ее запер.

Он оглянулся на милиционера, но тот равнодушно глядел в сторону. Связываться с ним у Винни не было ни малейшего желания. Он глубоко вдохнул и резко толкнул дверь так, чтобы она распахнулась настежь. Она и распахнулась, открывая его взгляду картину, будто вырезанную из какого-то забытого фильма ужасов. Заросший травой пустырь с едва слышным шелестом шевелил в сумраке длинными ломкими пальцами, целя ухватить Винни.

Тот отшатнулся и, всмотревшись, побледнел: примятая трава и сломанные кусты красноречиво указывали на незваных гостей. Гости не стеснялись и не церемонились. Если Винни продирался сквозь кустарник, по привычке стараясь не наделать шума и не сломать лишнего, гости – кто бы они ни были – вели себя уверенно и вызывающе. Судя по ширине проложенной ими дороги, они нашли где-то палку и расчищали путь ею.

Винни решил, что это говорит об особой дерзости злоумышленников. Об этом же свидетельствовал и свет, беззастенчиво горевший во всех окнах. Пришедшие либо не ждали Винни, либо, напротив, ждали и нисколько его не боялись.

В обоих случаях, решил Винни, один он туда не пойдет. Деньги деньгами, частная собственность – собственностью, но жизнь дороже. Он совсем уже было решил обратиться к милиционеру, чтобы тот вызвал товарищей, когда его озарило.

Помощник! Господи, ну разумеется! Нотариус ведь говорил, что даст ему ключ. Винни чуть не рассмеялся вслух. И надо же было так испугаться. Хорош детектив: боится зайти в собственное агентство!

Радость, только что сменившая испуг, уступила место досаде и раздражению.

– Дверь надо запирасть, – пробормотал себе под нос Винни. – Он, интересно, в туалете тоже за собой не спускает? Ну, ничего. Мы его быстро научим хорошим манерам. Крыса канцелярская!

Он прикрыл за собой дверь, но запирасть не стал. Так, на всякий случай. Мало ли что. Пройдя по обозначившейся просеке к дому, он толкнул входную дверь и с мрачным удовлетворением убедился, что она не заперта тоже. Сжав зубы, он шагнул за порог и застыл на месте. Гостиная полностью преобразилась. Все лампы горели. В камине пылал яркий огонь. Откуда-то доносилась легкая приглушенная музыка. В кресле, боком к двери, протянув к огню руки, сидел совершенно не знакомый Винни старик. Гость выглядел точной, но изрядно потасканной, усушенной и уцененной копией уже знакомого Винни нотариуса. Он был ниже, суше, старше и дряхлее своего патрона. Кроме того, при копировании благородные белоснежные седины нотариуса испачкались, сваялись, пожелтели и расступились, образовав лысину. Глаза посветлели и начали слезиться. Нос и щеки побагровели. При всем при том старик выглядел на удивление бодрым и энергичным.

Уловив краем глаза появление Винни, старик дернулся, проворно спрятал что-то под кресло и попытался встать – без особого, впрочем, успеха, поскольку кресла, как успел вчера убедиться Винни, редко отпускали свою жертву с первого раза. Нужно было хорошенько раскачаться и одним резким мощным движением выпрыгнуть, пока инерция не утаскала. Кроме некоторой тренировки, для этого требовался неплохой пресс. Ни того, ни другого у гостя явно не было.

– Сидите, сидите, – машинально проговорил Винни, оценивая на глаз уровень жидкости в оставленной на столе бутылке. – Насколько я понимаю, вас прислали из адвокатской конторы?

Старик предпринял еще одну неудачную попытку выбраться из кресла и, видимо, обесилев, сдался.

– Совершенно верно, – радостно закивал он. – Совершенно. Позвольте представиться, Ипполит Федорович Шанц к вашим услугам.

Из глубин кресла протянулась рука, и Винни ничего не осталось, как подойти и пожать ее, согнувшись чуть ли не вдвое. В процессе выяснилось, что от гостя оглушительно пахнет мятой. Запах был настолько сильным, что у Винни защипало глаза.

Выпрямившись, он снова покосился на бутыль. Сомнений не было: уровень пал, и пал низко. Кроме того, бесследно исчез стакан, стоявший с утра на столике.

– Алкоголик, маразматик и сволочь, – мысленно подытожил Винни, склонный к поспешным выводам.

– Очень приятно, – сдержанно произнес он вслух, продолжая рассматривать гостя.

И где его только выкопали? – недоумевал он. – С пенсии выдернули, что ли? Ни за что не поверю, что он там работает..

– Очень приятно, – повторил он вслух. – Вениамин Игоревич Кольчужный.

Старик радостно захихикал и потер сухие ладошки.

– Взаимно, взаимно.

Он склонил голову набок и, точно воробей, искоса поглядел на Винни.

– Только ведь, любезный Вениамин Игоревич, вы так не думаете, верно? Думаете-то вы признайтесь, что, вот, навязался старый пень на мою голову. Не было печали, думаете вы, любезный Вениамин Игоревич...

– Да что вы! – покраснел Винни.

– Думаете, думаете! – поднял вверх костлявый указательный палец старик, разом превращаясь в Кошеля Бессмертного. – Но, любезный Вениамин Игоревич, у меня есть для вас хорошая новость.

Он выдержал паузу, икнул и, покачав головой, скромно закончил:

– Вы ошибаетесь.

– Да? – не зная, что еще сказать, спросил Винни.

– Страшно ошибаетесь! – заверил его старик. – Никогда еще внешность не была так обманчива, как в моем случае.

Винни, уже порядком заинтригованный, приготовился слушать.

– Никогда! – продолжал старик. – Ибо в моем лице вы приобрели не бездушного безразличного соглядатая, не формалиста, отсчитывающего часы до конца рабочего дня, не беспомощного старика, в конце концов, как вы поспешно меня охарактеризовали на основании обманчивых – обманчивых, поверьте! – внешних данных, но верного друга, преданного помощника и, не побоюсь, пожалуй, пламенного единомышленника, ибо...

Старик запнулся и, покрутив в воздухе пальцем, видимо, намотал-таки на него витавшую там мысль, потому что достаточно бойко продолжил:

– Ибо, любезный Вениамин Игоревич, не было еще на земле человека, более склонного к сыскному делу, нежели ваш покорный слуга.

Винни, не отрывая взгляда от старика, обошел его и молча уселся в кресло напротив.

– Мой прадед служил в царской охранке, – продолжал тот. – Дед работал в ЧК. Отец, царствие ему небесное, был следователем по особо важным делам. Мой старший брат пошел по юридической линии. Вы, кстати, его вчера видели.

– Ясно, – кивнул Винни, начиная понимать, чему обязан столь приятным знакомством.

– К сожалению, – продолжал гость, – обстоятельства сложились так, что мне пришлось поддержать брата и поступить на службу в его фирму. Интересы семьи, вы понимаете... Но, если вы думаете, что изменив традиции, я изменил и призванию, вы ошибаетесь. Гены предков не спали, и каждый вечер, приходя с работы, я занимался любимым делом. Делом, страсть

и способность к которому передавалась в нашей семье из поколения в поколение. Я занимался расследованием...

– По вечерам? – недоверчиво переспросил Винни.

– Именно! Я брался за самые трудные дела. За сомнительные. За спорные. Клянусь, я брался за безнадежные. Если можно так выразиться, я не брезговал ничем. В результате, на сегодняшний день я успел расследовать все нашумевшие дела этого и прошлого веков.

Очевидно, на лице Винни отразились какие-то сомнения, потому что старик обиженно поджал губы.

– И я сделал это, не выходя из дома, – сухо закончил он.

– О! – только и сказал Винни.

Некоторое время старик молчал, раздраженно барабанил пальцами по столу. Неожиданно он просветлел, поднял голову и заглянул Винни в лицо.

– Вы спросите, как такое возможно? – воскликнул он, загадочно улыбнулся и выдержал длинную паузу.

– Ну, хорошо, я скажу, – смилостивился, наконец, он. – Но сначала ответьте: вы любите читать детективные романы?

– Хорошие люблю, – сдержанно ответил Винни.

– А, позвольте спросить, как именно вы их читаете? Как читатель?

– А что, это уже не модно? – осведомился Винни.

– Напротив, – невозмутимо ответил старик, – это самый распространенный подход. Я отказался от него еще в детстве.

Винни стиснул зубы и с трудом подавил истерический смешок.

– Вместо этого, – невозмутимо продолжал старик, – я с самой первой страницы веду расследование параллельно с главным героем. И веду его, заметьте, самостоятельно, не обращая ни малейшего внимания на уловки и подсказки автора. Автор для меня – свидетель, показания которого можно доверять в самую последнюю очередь, а лучше не доверять вовсе.

– И как? – поинтересовался Винни. – Получается?

– Сначала приходилось трудно, – признал старик. – Потом пришел опыт. На самом деле, в ремесле детектива нет ничего сложного. Девяносто девять процентов времени и труда приходится на механическую однообразную работу, и главное здесь – не талант, не вдохновение, и даже не удача, а обычная добросовестность.

Винни вздрогнул и подозрительно взглянул на собеседника, но тот был совершенно увлечен монологом.

– И лишь один процент... Да что там! Долю процента... Сотую, тысячную долю этого несчастного процента я оставляю на озарение, вдохновение и прозрение. Любое дело, сколь угодно сложное и невероятное, неизменно сводится к одной и той же рутине. Сначала вы скрупулезно составляете список всех мыслимых и немыслимых мотивов, затем – список возможных подозреваемых, куда включаете всех, имевших хоть какое-то касательство к делу, не исключая, кстати, и саму жертву, и, наконец, составляете полный список возможностей с учетом любых, сколь угодно мизерных вероятностей. Потом сводите это в одну таблицу, и все – девяносто девять процентов работы сделано, и вам остается только сидеть над своей таблицей и ждать озарения, а уж оно, уверяю вас, придет непременно. Придет скорее поздно, чем рано, и уж наверняка не кстати. Не исключено даже, что оно окажется ложным, но в том-то и заключается опыт и мастерство, чтобы приручить эту неверную субстанцию, приручить ее являться в срок и не играть с вами в прятки. И здесь, говорю это без ложной скромности, я достиг совершенства. Да и могло ли быть иначе, когда моими учителями были сэры Артур Конан Дойл, несравненная Агата Кристи, непревзойденный Жорж Сименон, хитроумный Честертон и многие-многие другие?

Старик посмотрел Винни в лицо и скромно закончил.

– Я лучший в своем деле, Вениамин Игоревич. Поверьте, вместе мы свернем горы.

– Верю, уважаемый Ипполит Федорович, – торжественно сказал Винни. – Охотно вам верю.

Они помолчали.

Ипполит Федорович шевелил губами, не иначе, повторяя наизусть какой-нибудь из недавно составленных списков возможностей, Винни внимательно разглядывал ногти, размышляя, удастся ли ему заставить адвоката отозвать сумасшедшего братца.

– А может, за знакомство? – неожиданно высоким, почти отчаянным голосом, предложил старик.

Винни вздрогнул от неожиданности и перевел взгляд на бутылку.

– А давайте, – согласился он.

– Сейчас принесу стаканы, – быстро сказал старик, движением фокусника пряча подхваченный с пола стакан в рукав пиджака.

Буквально через секунду он оказался возле буфета, через две – снова у стола с двумя пустыми бокалами, а через три – уже с наполненными.

– Ну, за знакомство, – жизнерадостно заявил он и, деликатно звякнув своим стаканом по стакану Винни, залпом его выпил.

Винни поднял брови и выпил тоже.

– Хорошо, – сообщил старик.

Винни хмуро кивнул.

Старик медленно опустился в кресло и благожелательно посмотрел на Винни.

– А позвольте спросить, любезный Вениамин Игоревич, какой метод расследования из общепризнанных вам больше по сердцу?

– По обстоятельствам, – не задумываясь, ответил Винни.

– А какой...

Раздался оглушительный грохот, и Винни, судорожно обернувшись, расплескал виски.

– Что это? – спросил он, когда звук повторился.

– Шесть вечера, – безмятежно объяснил старик, кивая в сторону огромных напольных часов у стены. – Я их завел.

– Господи, – проговорил Винни, залпом допивая содержимое стакана. – Ну и звук.

– Погодите, – вдруг выпрямился в кресле старик. – Но ведь шесть вечера...

– И что же? – недоуменно спросил Винни.

– Ох, ты Господи, – простонал старик. – Верно говорят, что старость не радость. Вам же звонили! Надо же, совсем из головы вон!

– А что, здесь есть телефон? – удивился Винни.

Старик кивнул куда-то в сторону барной стойки.

– И кто же? – поинтересовался Винни.

– Как кто? – в свою очередь, удивился старик. – Клиент, разумеется. И, должен сказать, на редкость нетерпеливый клиент. С трудом объяснил ему, что вас еще нет. Согласился зайти в шесть.

Винни недоверчиво смотрел на старика.

– Вы шутите?

– Ничуть.

– Господи, – повторил Винни. – Давайте тогда, что ли, еще выпьем.

За их спинами раздалось деликатное покашливание.

Глава 8. Клиент

– Простите, у вас там не заперто, я и вошел, – неуверенно объяснил гость, переминаясь возле порога.

Собутыльники, забыв о приличиях, молча таращились на вошедшего. Что клиент попался трудный, ясно было с первого взгляда. Шестидесятилетний, высокий, широкоплечий и крепкий, как орех, гость сразу запоминался грубыми чертами лица, тяжелым пристальным взглядом и печатью о высшем образовании во лбу. Несмотря на печать, одет он был отвратительно, а именно – как человек, лет десять назад окончательно переставший интересоваться собой и окружающими. Одежда, изначально – то есть очень уже давно – выбранная без особого тщания, теперь износилась, местами порвалась и испачкалась.

Нет, разумеется, гость пытался привести себя в порядок перед столь важным визитом: он явно умылся и причесал волосы пятерней. Возможно, он даже выбил брюки и куртку об забор, вот только все это не очень помогло: на социальной лестнице, которую в данный момент мысленно строил Винни, гость все равно находился ближе к вокзальному бомжу, чем к преподавателю философии окраинного вуза. И, если бы не печать, Винни с Ипполит Федоровичем наверняка выгнали бы его взашей. Но печать – печать обязывала.

– Здравствуйте, – через силу выдавил из себя Винни.

Гость хмуро огляделся и, найдя подходящее место, бережно поставил в угол большую хозяйственную сумку на колесиках.

Ипполит Федорович закатил глаза.

– Вечер добрый, – ответил гость, пристроив свое имущество. – Это детективное агентство?

– А это вы звонили? – уточнил Ипполит Федорович.

– Я, – хмуро ответил гость.

Ипполит Федорович и Винни переглянулись.

– Да, агентство, – признался Винни. – Проходите, садитесь.

Он указал гостю на свободное кресло.

– Я не помешал? – осведомился гость, выразительно глянув на бутылку с виски.

И тут Ипполит Федорович показал себя молодцом.

– Ничуть, – бойко ответил он. – Мы уже заканчиваем.

Гость недоверчиво смерил содержимое бутылки взглядом.

– Заканчиваем следственный эксперимент, – пояснил Ипполит Федорович и небрежно махнул рукой в сторону бутылки. – Вот, полюбуйте, какие нынче пошли орудия преступления.

Гость перекрестился.

– Господи помилуй. Ей что, кого-то убили?

– Вот еще! – возмутился Ипполит Федорович. – Стали бы мы тогда из нее пить. Нет, орудие – не стекло. Орудие – содержимое.

– Отравили? – предположил гость.

Ипполит Федорович поднял брови.

– Нет, не настолько еще все плохо в нашем агентстве.

Он задумчиво посмотрел на бутылку.

– Представьте себе, – не спеша начал он, – что собрались однажды шестеро очень уважаемых людей. Неважно, зачем собрались – у нас все равно без бутылки не собираются. Выпили, как водится, по рюмочке – и все. Дальше никто ничего не помнит. Проснулись утром. Голова не болит, самочувствие прекрасное, вот только у одного пропала – я не вдаюсь в детали – очень важная вещь. И, разумеется, никто ничего не помнит. Все отключились одновременно. Каза-

лось бы, все очевидно: один лжет. Один подсыпал что-то в бутылку и, дождавшись, когда все уснут, забрал... вещь. И вот тут выясняется любопытное обстоятельство. Химическая экспертиза показывает, что жидкость в бутылке абсолютно аутентична и не содержит дополнительных примесей. С вероятностью 99.9 – химики, как обычно, подстраховались.

Ипполит Федорович искоса взглянул на гостя.

– И вот мы, собственно, и пытаемся исключить эту одну десятую процента. Опытным путем. Пьем, представьте, по третьей рюмке – и, как видите, ничего. Из чего со всей непреклонностью следует...

Ипполит Федорович сделал паузу и вопросительно посмотрел на гостя.

Тот пожал плечами.

– Из чего следует, – продолжил Ипполит Федорович, – что лжет не один. Лгут пятеро. Они просто подсыпали шестому в рюмку снотворное. Согласитесь, это проще сделать, чем если бы шестой пытался подсыпать что-то каждому из остальных. Кстати, не желаете с дорожки? Мы, как видите, живы.

– А давайте, – неожиданно согласился гость.

Ипполит Федорович спроворил третий стакан, наполнил его, освежил свой и не забыл про Винни.

– Ну, за знакомство, – провозгласил Ипполит Федорович, опрокидывая в себя рюмку.

В следующую секунду он страшно выпучил глаза, хватанул рукой горло и захрипел. От неожиданности Винни поперхнулся и, пустив виски носом, зашипел и замахал руками. Гость, сильно побледнев, встал и выронил рюмку так, словно это была гадюка.

– Простите, – спокойно сказал Ипполит Федорович, снимая руку с шеи. – Показалось.

– Слушайте! – не выдержал, наконец, Винни, вытирая слезящиеся глаза. – Прекратите свои шуточки!

– Отчего же, – возразил гость, снова садясь в кресло и поднимая с пола чудом уцелевшую рюмку. – Очень смешно получилось.

– Правда? – оживился Ипполит Федорович, – снова хватаясь рукой за шею.

Гостю налили новую рюмку. На этот раз обошлось без происшествий.

– Виноват! – гость хлопнул себя по лбу. – За знакомство выпили, а я еще не представился.

Он покачал головой.

– Владимир Михайлович Михалев. – Он немного подумал и добавил: – Пенсионер.

– Очень приятно. Вениамин Игоревич Кольчужный, – Винни запнулся: – Детектив.

– Ипполит Федорович Шанц. Помощник. Ну, теперь можно и за знакомство.

Все выпили. Гость причмокнул и мечтательно заулыбался. Ипполит Федорович зажмурился, да так и забыл открыть глаза снова. Внимание Винни привлек пляшущий в камине огонь. Гостиная погрузилась в сонную тишину.

– Да, – неожиданно очнулся Ипполит Федорович, нарушая идиллию. – Так с чем, говорите, вы к нам пожаловали?

Гость и Винни разом вздрогнули и недоуменно посмотрели на Ипполит Федоровича.

– Конечно, – опомнился гость. – Разумеется. Сейчас расскажу. Вот только деньги...

– Какие деньги? Рассказывайте бесплатно! – замахал руками Ипполит Федорович, но, поймав выразительный взгляд Винни, стушевался и поник в своем кресле.

Гость вздохнул.

– Дело в том, что я не уверен, – начал он. – Не уверен, хватит ли у меня денег. Точнее, я почти уверен, что их не хватит. В общем, мы смогли собрать тридцать тысяч.

Гость выдохнул, будто избавившись от тяжелой ноши, но, что-то вдруг вспомнив, снова нахмурился.

– Рублей, – закончил он и откинулся в кресле с видом человека, хорошо выполнившего свою работу.

Винни как раз поздравлял себя с тем, что первое дело, похоже, закончилось, не успев начаться, когда услышал благожелательный голос Ипполита Федоровича.

– Деньги для нас не главное, – говорил этот голос. – Мы беремся за любые дела. Это, если угодно, наше кредо.

– Сволочь старая, – грустно подумал Винни и подтвердил: – Да. Именно тот случай, когда размер не имеет значения.

Замечательно! – просиял гость, доставая из-за пазухи деньги.

– Одна тысяча, две, три... – шептал он, по одной выкладывая бумажки на стол. – Двадцать девять.

Гость на секунду задумался и, покопавшись в карманах брюк, продолжил выкладывать пасьянс сотнями.

– Девять сто, девять двести, девять триста... Девять восемьсот.

Гость вздохнул и, пошарив в другом кармане, извлек три бумажки по пятьдесят рублей.

Винни, внимательно следивший за процессом, решил, что сейчас в дело пойдут десятки, а потом и мелочь, но гость, нахмурившись, похлопал себя по карманам и, найдя-таки недостающие пятьдесят рублей, выложил их на стол.

– Ровно тридцать тысяч, – гордо сообщил он.

Винни смотрел на стол со смешанным чувством – это были первые деньги, заработанные им в качестве детектива. И заработанные, как ему сейчас казалось, на удивление быстро. Он собрал деньги со стола и непринужденно положил их в карман.

– Что ж, рассказывайте, – предложил он теперь уже не гостю, но клиенту.

– Если можно, мне бы расписочку какую или квитанцию, – смущенно сообщил тот. – Ну, чтобы отчитаться. Деньги-то общие...

– Я напишу, – неожиданно проявился Ипполит Федорович, выбираясь из кресла.

Винни автоматически поднял пустую рюмку и не ошибся. Получив свою, гость какое-то время крутил ее в пальцах, явно собираясь с мыслями.

Глава 9. Дело

– Значит, так, – начал он. – Началось все это где-то в конце мая. Как раз начали приезжать дачники. Места-то у нас красивые, Волга рядом – они и едут. Из Москвы, в основном. Даром что сто километров. Лютики место называется. Раньше деревня была, да опустела. Ну, и в семидесятых какой-то завод все это прибрал. Деревню снесли – хотя, сказать правду, там уже немного к тому времени и осталось, – нарезали участки, роздали передовикам производства, и стало садовое товарищество Лютики. Кто-то построился, кто-то продал, но пустых участков не осталось ни одного. Ну, сами представьте, Волга в ста метрах, железнодорожная станция – в километре. Сел на паром – и готово. Никакого тебе производства, никаких заводов – кругом одни леса. Куда ни кинь – одна сплошная экология.

Так что, много не много, а сто с лишним участков у нас обжиты, причем половина приезжает только на лето, а остальные живут круглый год. Очень у нас хорошо... было. А теперь во всей деревне – «товарищество» как-то не прижилось – только пятеро и остались. Да и те давно бы уехали, было бы куда.

Гость тяжело вздохнул.

– В общем, кончилась деревня. Тридцать лет строилась и в день опустела. Всё побросали. Как сейчас помню. Идешь по деревне – и будто чума прокатилась. Ворота настежь, двери раскрыты – заходи, бери что хочешь. Заходишь – и прямо мороз по коже. На столе – еда, на полу – детские игрушки, постель смятая, будто только с нее встали. И ни души. Полное ощущение, что хозяева на минутку вышли, да так больше и не вернулись. Жутковато, если честно. Я тогда все дома обежал, чуть с ума не сошел. Зато, когда на дока – на доктора, то есть – наткнулся, да еще на живого, чуть инфаркт не схватил. Но это я что-то вперед забегаю. Началось все гораздо раньше. И началось с того, что стали вдруг пропадать собаки. Одна пропала, другая, третья... Оглянуться не успели, за десяток перевалило. И ладно бы еще местные псы исчезали: для деревенского жителя беда, в общем, небольшая – так ведь и привозные туда же... А москвичи, они ж до своих собак прямо больные. Иной раз смотришь на них, смотришь, и не поймешь, кто им дороже: собака или собственные дети. А если уж и детей нет – все, пиши пропало. Одна дура три дня вокруг деревни по болотам бегала – искала своего пекинеса. Какой к чертям пекинес! Спасибо, саму отыскали.

Мы уж не знали что и думать. Дежурство установили. А потом исчезли все остальные. Попробуйте представить: вы просыпаетесь утром – а собак больше нет. Ни одной. Кончились. Дед Трофим, старожил чертов, подумал тогда с минуту и объявил: «С корабля первыми бегут крысы, а из деревни собаки. В общем, тикать надо».

– И ведь прав оказался, старый хрыч, да только кто ж его тогда слушал. Побегали, поволновались, погоревали да и успокоились. Ну, нет собак, так нет. Никто ж, в конце концов, не обязывает их держать. А только знали бы вы, как, оказывается, без них по ночам жутко. Тишина такая, что хоть сам лай. Павлик-то воспитанный, зря брехать не станет.

– Какой Павлик? – удивился Винни.

– Ну, Павлик. В честь Павлова. Собака докторская. Эта при всем желании никуда бы не делась. Док с нее пылинки сдувает, на улицу не пускает, со стола кормит, спать с собой кладет. Ну, это вам еще нараскажут. Вы, кстати, не верьте. Чуть это все, хоть и собачья.

Гость похлопал по карманам, достал сигареты, спички и, спохватившись, спросил:

– Можно?

– Пожалуйста, – кивнул Винни, придвигая ему пепельницу.

Гость закурил и выдохнул дым в потолок.

– А через месяц, это уже где-то ближе к июлю, – продолжил он, – у Петровича сдохла Танюша. Единственная была корова в деревне. Все, у кого дети, к Петровичу за молоком по утрам бегали. И, главное, нехорошо сдохла. Не по-божески.

Гость сильно затянулся сигаретой.

– Дело утром было. Петрович как раз в город уехал, что-то ему там было нужно. И тут началось. Как она бедная, ревела, вся деревня слышала. И если бы ревела. Кричала она. Да так, что мороз по коже. Я тоже думал, коровы не кричат. Ошибался. В общем, звуки были такие, что через минуту вся деревня висела у Петровича на заборе. Забор у него крепкий, что и спасло. Потому что иначе Танюша точно кого-нибудь с собой на тот свет прихватила бы. Я там был, видел.

Гость помолчал.

– Вы хорошо себе представляете корову? Это где-то полтонны веса, копыта и, главное, рога. А теперь попробуйте представить себе бешеную корову. Совсем бешеную. Вы знаете, я видел по телевизору корриду, так все эти быки и рядом не стояли с Танюшей. Думаю, любой из этих тореро наложил бы в штаны, окажись с ней на одной арене. И, между прочим, правильно бы сделал. Она вообще ничего не соображала. Глаза белые, все время кричит, точно от боли, и мечется по двору. Полтонны. Все что у Петровича во дворе было, она разнесла в щепки. Хлев, сарай, колодец – будто и не было. Парник у него был большой – только стекла брызнули.

– Чего делать – непонятно. И жалко, и страшно. Кто-то за доком побежал: он у нас на все руки мастер, и за ветеринара тоже. Тут и дед Трофим доковылял, куда ж без него? Только глянул и сразу диагноз выставил. Какой, говорит, доктор? Кончается животное. От страха кончается. Сейчас сердце лопнет. И только сказал, Танюше совсем поплохело.

Гость прищурился, точно в глаза ему попал дым.

– Вот представьте, – сказал он, – что вам до смерти страшно, тошно и хочется убежать, а вокруг только забор и деревья. Вот вы бы что сделали?

Винни и Ипполит Федорович переглянулись.

– Ну, залез был на дерево, – нехотя проговорил Винни.

Гость хмуро кивнул.

– Правильно.

– Что правильно?

– Она и полезла. Налетела лбом на здоровенную старую яблоню, оглядела ее, точно впервые увидела, и полезла.

– На яблоню? – уточнил Ипполит Федорович.

Гость поморщился.

– Я не сказал «залезла». Хотела залезть. Очень хотела. В какой-то момент нам даже показалось, что у нее получится. Уж очень она старалась. Будто и впрямь за ней смерть гналась. Зубами за ветки хваталась. В общем, вы меня извините, но лишний раз вспоминать это не хочется. Короче, сук там был внизу. Когда он сломался, Танюша и не заметила. Все лезла и лезла на него брюхом, пока кишки наружу не вывалились. Тут она сразу остановилась, вроде даже как успокоилась, отошла, обнюхала свои кишки, вздохнула так тяжело и сдохла.

Гость одним махом выпил свою рюмку и поставил на стол.

– А Петрович только вечером приехал. Глянул и сразу сказал: «Отравили, суки. Найду гада – убью». А Петрович если сказал – сделает. Мужчина серьезный. Был. Потому что через две недели он пропал. Искали его два дня. Нашли в лесу.

– Можно? – гость показал на бутылку.

– Разумеется, – подхватился Ипполит Федорович, наполняя стаканы.

Гость выпил и прикрыл глаза.

– И опять вся деревня сбежалась. Ну, да это уже как водится. Разве кто пропустит? Так что видели все, да только мало кому понравилось. Петрович – это вам не корова. Он на дерево не полез, да и куда ему, с протезом. Он вместо этого в землю решил зарыться. Кстати, и сумел: по плечи. Так его и нашли. Голова и плечи в яме, все остальное – снаружи. Вокруг на два метра земля раскидана. Красная. Потому что ни ногтей, ни мяса на пальцах у него уже не было. Костями под конец рыл. Следовательно сказал, он и дальше бы закопался, да корень помешал. Здоровенный такой корень. Он его, видать, перегрызть пытался. Насилу потом челюсти разжали.

Гость помолчал, вспоминая.

– Само собой, завели дело. Следовательно из района приезжал. Важный такой с виду. И тупой. Свидетелей опрашивал, экспертизы делал. В конце концов додумался. Инфаркт, видите ли, с Петровичем приключился. Так в свидетельстве о смерти и записано. Инфаркт. А только, когда его достали, всем было ясно, от чего он умер: от страха. Я такого лица в жизни не видал и, Бог даст, больше не увижу.

Гость облизнул пересохшие губы.

– От страха Петрович умер. Точно как и его корова, прости Господи за сравнение. И вот стоим мы над этой ямой в лесу, вся деревня, и переглядываемся. Сначала собаки, потом Танюша, теперь вот Петрович. И тут дед Трофим – как еще добрался туда в свои девяносто – тихо так себе под нос и ляпни: «От они, лютики-то». Тихо так сказал, будто и про себя, а только все кому не надо услышали. Обступили его сразу, «Чего-чего сказал?» спрашивают.

– Да лютики же, – отвечает. – Бывают лешие, водяные, банники, полевики, кикиморы, полудницы. А бывают лютики. Эти всех злее. Уж очень зверствуют. Прямо лютуют. Оттого и лютики. А вы думали, деревня так почему называется?

– Почему? – не выдержал кто-то.

А деду Трофиму только того и надо, чтобы его кто-нибудь послушал. Он и завел:

– Давным-давно, – говорит, – лет двести, а может, и триста тому назад, жил в наших краях помещик один. Страшно был богат, вот и маялся всю жизнь от безделья. А на старости лет и вовсе заделался этим... как его... естество... А, ну да. Заделался, естественно, пытателем. Так, кажется. И однажды, себе на горе, поймал лешего. Ну, и извел его на опыты. Целиком извел. Замучил, попросту говоря. У него с этим просто было. Вот после этого лютики в округе и завелись. Вроде как мстить пришли. В неделю край опустел: ни собак, ни людей... Одни шмотки мяса на елках, да кровь с ветвей каплет. Потом деревню снесли, товарищество ваше устроили. Тоже, вишь, Лютики.

– Дурак ты, дед, – сказали ему тогда в сердцах, но на следующее утро семей десять первой же электричкой убралась из деревни подбру-поздорову. А остальные... А что остальные? Собрались, обсудили это дело и решили, что: да, похоже, кто-то имел на Петровича большой острый зуб. Да, жалко. Да, страшно. Но, как ни крути, это все проблемы Петровича и, худо ли бедно ли, они уже решены. А что в деревне живет убийца, так это еще бабушка надвое сказала, а если и живет – это его проблемы. А лютики – проблема деда Трофима, чтоб ему пусто было. А у остальных проблем, черт их деря, вообще нет. И не предвидится. На том и решили.

Гость замолчал.

– Простите. Что-то совсем горло пересохло.

Ипполит Федорович, вероятно, предчувствуя край, неуверенно посмотрел на Винни, который, и без того слегка расстроенный рассказом, а в наступившей паузе сообразивший вдруг, что его вот-вот пригласят посетить эти гиблые Лютики, где всюду ямы с умершими от страха покойниками, а на ветвях тихо покачиваются дымящиеся куски мяса, кивнул.

– А вы кем раньше работали? – неожиданно поинтересовался он, оттягивая приглашение.

– Преподавал физику в школе. Хорошие были времена.

– Погодите! – Ипполит Федорович тяжело поднял голову. – Я что-то никак не пойму, сколько у вас в деревне народу. Десять, вы говорите, уехали. Осталось, вы говорите, пять. Итого – пятнадцать. Остальные-то где?

– Остальные пока живут, – усмехнулся гость. – В смысле, на момент моего рассказа. Я еще на закончил.

– А! – произнес Ипполит Федорович, облегченно растекаясь по креслу.

– На самом деле, – продолжил гость, – те что остались тоже задержались не сильно. Если быть точным, на неделю. Собственно, до позавчерашнего дня. Жара, как вы помните, стояла страшная. Ну просто буквально некуда деться. Деревня с виду – точно вымерла. Старики по домам сидят: там, вроде, прохладнее; молодежь на речке пропадает. И вот где-то, наверно, в полдень, в самое что ни на есть пекло...

Гость с досадой помотал головой.

– Нет, так вы не поймете. Сначала нужно кое что объяснить.

Он на секунду задумался и продолжил.

– Я вообще человек не очень общительный – знакомых у меня, честно сказать, маловато. Вот и в Лютиках... Живу почти пять лет, а близко так ни с кем и не сошелся. Ну не интересны мне, прости Господи, их проблемы. Единственным, с которым можно было общаться, был мой сосед, Прохор Васильевич Шувалов. Пенсионер, как и я, только позаслуженней. Всю жизнь проработал замдиректора какого-то крупного полимерного завода. Большим человеком в свое время был. Потом и завод измельчал, и времена поменялись, а там и пенсия подоспела. Как раз к развалу завода. К тому времени жена у Прохора умерла, дети выросли, вот он и купил себе дом в Лютиках: говорил, ему, в общем, все равно где, лишь бы на Волге.

– От подавляющего большинства местных жителей его выгодно отличали три вещи: высшее образование, чувство юмора и прямо нечеловеческое самообладание. Однажды наш тракторист, уснув за рулем, вылетел с дороги прямо на участок Прохора. Тот как раз пил на веранде утренний кофе. Сидел себе в кресле-качалке, нога на ногу, в одной руке чашка кофе, в другой – сигарета. Курил и рассматривал облака – в общем-то, как обычно. Тут треск, лязг, грохот, забор падает, и прямо на Прохора в клубах дыма несется трактор с включенными фарами. Не сбавляя скорости, врезается в веранду, чуть не снеся ее напрочь, и, наконец, глохнет.

– Прохор даже в лице не изменился. Со всех сторон к участку бежали люди, кто-то уже звонил в скорую, а он преспокойно сидел в своем кресле и с интересом рассматривал вздыбившиеся вокруг него балки и застрявший в них трактор. В одной руке у него дымилась сигарета, в другой была чашка кофе, из которой не расплескалось ни капли. Увидев меня, Прохор очень обрадовался.

– Я сейчас отчетливо вспомнил, – взволнованно сообщил он, – как катался в детстве на американских горках. Совершенно то же самое ощущение.

И он счастливо улыбнулся.

– Еще у него была почти маниакальная страсть к чистоте. Не самая, к сожалению, удачная, мания, когда нет денег. А денег у него было в обрез: после пары дефолтов даже его директорская пенсия превратилась в пшик. Как, впрочем, и сбережения. Как, впрочем, у всех. Но остальные всю жизнь учились жить бедно, чтобы воспользоваться этим умением в старости, а Прохор начинал с нуля. В общем, ближе к середине месяца деньги у него обычно заканчивались. Хорошо, сын его навещал. Но это ведь летом – зимой к нам не очень-то и доедешь. А зимой... Зимой мы старались почаще приглашать его в гости. Гордый он был очень. Вполне ведь мог протянуть, если бы выращивал в огороде хоть что-то полезное. Но он выращивал там цветы. Ничего кроме цветов. И возился он с ними не как-нибудь, а в ослепительно чистой белой рубашке – а другой, к слову сказать, на нем никто никогда не видел. Представляете? Белая крахмаленная рубашка! В Лютиках! В огороде! Позже, когда... В общем, позже я

видел его шкаф. Не очень-то много у него было этих рубашек. Штук семь, не больше. Когда он их успевал стирать – загадка. Хотя, как я сейчас понимаю – скорее, подвиг.

Гость о чем-то задумался и, тряхнув головой, продолжил.

– Так вот. Как я уже говорил, это случилось позавчера. Кто-то пошел на речку, кто-то остался дома, а Прохор отправился в лес. В лес – потому что там прохладно и никого нет. Я сидел дома и пытался работать. Хочу, знаете, попробовать себя в качестве автора. – Гость смущенно улыбнулся. – Пишу пособие по физике для поступающих в вузы. Ну, неважно. Время уже шло к полудню, и тут... И тут я вижу, как на рукопись падет капля, затем другая... Я автоматически поднимаю глаза к потолку и тут же понимаю, что течет с меня. Что с меня ручьями течет холодный пот. И еще, что мои колени вдруг превратились в кисель. И физически чувствую, как под моим весом кости входят в этот кисель. И что от этого чувства меня сейчас вырвет...

– Клянусь, я был уверен, что умираю. И только через несколько секунд понял, что причина не во мне. Что причина – снаружи, и ее едва слышно. Что она очень еще далеко, на самой границе восприятия, но она приближается. Это был тот самый жуткий высокий звук, который живое существо издает перед самой смертью, только растянутый на минуты.

– Когда слышишь такое, ментально возникает два равно непреодолимых желания: убежать и помочь. Поэтому я встал и, стараясь не обращать внимание на хлюпание в коленях, добрался сначала до дверей, а потом до калитки, на которой и повис, истекая потом и борясь с тошнотой.

– Звук приближался. И больше всего на свете мне хотелось закрыть глаза и зажать уши. Но человек так устроен, что еще больше ему хочется видеть, и я смотрел... Все смотрели. Вся деревня видела, как оно появилось в конце дороги. Больше всего это напоминало человека, но явно им не было. Белоснежные волосы, ключьями срывающиеся с черепа, такие же белые глаза без зрачков и рот, распахнутый в крике так, что, казалось, наизнанку вывернулся весь череп. Верхняя половина туловища – в слюнях, соплях, крови и блевотине, нижняя – в в грязи, моче и дерьме. Я много прожил я могу сказать точно: ничего хуже я в своей жизни не видел.

– А самое страшное – крича смертным криком, оно не умирало, а все бежало и бежало вперед. У меня просто отнялись ноги. У остальных, думаю тоже. Я на них не смотрел. И даже не представляю, чем бы все это кончилось, если бы не Василий. Василий – это наш тракторист. В тот день он копал для кого-то канаву вдоль дороги: зарабатывал на опохмел. Наверное, ему пришлось хуже всех. Во всяком случае, когда существо пробежало мимо Васи, тот, недолго думая, взял и огрел его лопатой по голове.

– И все. В секунду звук стих, и человек – теперь все сразу вдруг разглядели, что это все-таки человек – упал. Его глаза закрылись, черты лица разгладились и прояснились, и я сам чуть не поседел, когда понял, что это Прохор. А наутро деревня опустела. Уехали все кому было куда уехать, и даже несколько тех кому ехать некуда.

– А я остался. Решил, что не гоже мне на старости лет переквалифицироваться в бомжи. И еще несколько решили так же. Все такие же немощные старики, как и я.

Гость зябко повел могучими плечами. За исключением доктора. Но док вообще не в счет. Он-то остался по идейным соображениям. Мы – наоборот. От безыдейности и безысходности.

Гость мрачно усмехнулся.

– А теперь представьте... Пустая вымершая деревня, из которой сбежали даже собаки. На краю – две могилы: одна поменьше, другая побольше, где лежат Танюша и ее хозяин. Дальше – лес, где, по версии деда Трофима, полно кровожадной нечисти. Не буду говорить, как я провел день, но, как только начало темнеть, отправился напрямик к доку. Все остальные уже были там. И ведь никто не стоваривался. Просто, как я сейчас понимаю, привыкли обращаться к нему со всеми своими проблемами и болячками. Вот и с этой пришли к нему тоже. И тихонько сидели теперь вокруг стола. Ни дать ни взять, пациенты психлечебницы. Кто паль-

цами барабанит, кто в потолок смотрит. А доку что? Док материалист. Он плечами пожал и чайник греться поставил. А ближе к полуночи, когда понял, что никто не уйдет, гони – не гони, выставил на стол коньяк. Доктор, он такой: что угодно не пьет. Ну, с коньяком, конечно, дело пошло веселее. Выпили, расхрабрились... Прохор так даже разулыбался: ему тоже немного налили.

– Кому? – переспросил Винни. – А он, разве?...

Нет, что вы. Жив. Формально жив. В измерениях немного потерял, а так в порядке.

– Пардон? – встепенулся Ипполит Федорович.

Ну, раньше жил в трех измерениях, теперь в одном. Смотрит все время в одну точку. На окружающий мир не реагирует. В остальном – как ребенок. Нужно одеть, покормить и сводить в туалет. Вообще-то, врачи со скорой советовали его сдать в психушку, но мы посоветовались и решили, что нечего ему там делать. Док сказал, из психушки ему не выйти. А так... Он, док, почитает литературу, глядишь – чего и придумает.

– Ага, – протянул Винни. – Понятно.

– Ну вот, собственно, почти и вся наша история, – продолжил гость. – Мы сидели у дока и пили, если не ошибаюсь, третью бутылку. Все были веселые, храбрые и довольные, и тут в дверь постучали.

– Кто? – не удержался Винни.

Гость пожал плечами.

– В том-то и дело, что никто. Не могло там никого быть. Ну, разве что Петрович с Танюшей. Это, кстати, первое, что пришло мне в голову. Сейчас, думаю, откроем, а за дверью Петрович. Что за шум, спросит, а драки нету? А ну, Танюш, покажи им. И дернет за поводок. Не знаю, что там представили себе другие, но все сразу стихли и побелели, как мел. Прохор завыл, а Павлик поджал хвост и убрался под стол. У дока нервы железные, и он уже стал подниматься, чтобы идти открывать, когда за окном, совсем рядом, раздался такой звук, что док тут же и сел.

Гость беспомощно развел руками.

– Объяснить не смогу. Это надо слышать. Точнее, не надо. Никому такого не пожелаю. Просто сразу ясно, что ничто в этом мире такого звука произвести не может. Или даже не так. От этого звука воняло. Сыростью, какой-то запредельной смертной тоской и, по-моему, гнилой кровью. Как-то так. Да и слышали все по-разному. Мне лично это больше всего напомнило огромные шаркающие шаги. Настолько огромные, что каждый из них мог втоптать в землю все Лютики целиком. Они, однако, прошли мимо. Другие потом рассказывали, что слышали каждый свое. Один – волны и брызги из миллионов голосов, как будто под окнами плескалось море живых тел, другой – смех, от которого, как он объяснил, ломит зубы и не хочется жить, третий вообще отказался об этом говорить. А мне лично кажется, что все это было вместе и все это был один звук. Я, правда, долго не выдержал. Отключился первым. Ну, а за мной и остальные.

– Очнулись утром от того, что Павлик начал проситься наружу и скрести дверь. Время уже к десяти, в окно солнышко всю светит, а мы сидим и смотрим друг на друга. И никто не решается встать. По той простой причине, что у каждого мокрые штаны.

Ладно, кое-как разобрались, разошлись по домам. Переоделись, пришли немного в себя и собрались снова – решать, что теперь делать и как дальше жить.

Гость усмехнулся.

– Ну, то что сидеть сложа руки и ждать нехорошей смерти никто не намерен, выяснили быстро. Все хотели действовать. Вот только никто не понимал как. На всякий случай позвонили в милицию. Там нас – как и ожидалось – обматерили и повесили трубку. Вот на этом варианты и кончились. А какие еще, к черту, у нас варианты? С дробовиком по ночам дежурить? Смешно. На самом деле, сразу было понятно, что никому мы даром не нужны. За деньги –

может быть, да и то вряд ли. Начали собирать деньги. У всех пенсия. У всех – осень на носу, а, значит, дополнительные расходы. Все, в конце концов, хотят есть. В общем, торговались долго. Сошлись на том, что каждый дает по пять тысяч, хотя не у каждого они и были. Я, например, половину занял. И не только я. Вот, в итоге и получилось: четверо по пять тысяч – двадцать, и плюс десять с дока. Док-то, по сравнению с нами, миллионер. Итого – тридцать. Полезли в интернет (у дока чего только нет) – искать частного детектива. Цены такие, что волосы дыбом. Тридцать тысяч – это только, чтобы кто-нибудь до нас вообще доехал, и то не факт. В некоторых конторах деньги кончались еще на Дмитровке. Мы уже было бросили это дело, когда наткнулись на вашу фирму. Название, конечно, отпугивало, но док заявил, что чувство юмора – лучшая рекомендация... и вот я здесь.

Гость вежливо наклонил голову и смолк. Подождав с минуту продолжения и сообразив, что его не будет, Винни беспомощно посмотрел на Ипполита Федоровича. Тот спал.

– Понятно, – выдавил Винни. – И чего же конкретно вы от нас хотите?

Гость, казалось, только и ждал этого вопроса. Он подался к Винни и, пристально глядя ему в глаза, сказал:

– Помогите нам. Найдите их, Бога ради.

– Кого? – машинально уточнил Винни.

– Как это кого? – удивился гость. – Да лютиков же этих. Найдите, пока они не свели нас всех в могилу. Пожалуйста.

Винни снова посмотрел на Ипполит Федоровича и с облегчением обнаружил, что у того открыты глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.